

Николай Добролюбов

**Утро. Литературный
сборник**

Николай Александрович Добролюбов

Утро. Литературный сборник

Написание «литтература» – на французский манер с двумя «т» – было принято в начале XIX века, когда слово появилось в составе русского языка. Во времена Добролюбова такое написание воспринималось уже как архаическое и вызвало справедливую иронию критика. Возрождение устаревшего написания имело, очевидно, полемическую цель: так редакция «Утра» заявляла о своей приверженности к старой норме не только в орфографии, но и в литературе вообще.

Содержание

#1	0005
Примечания	0062

**Николай Александрович
Добролюбов
Утро. Литтературный сборник**

Москва, 1859

Еще покойный Иван Иванович Дмитриев, человек высокого ума и не менее высокого ранга, доказал, что утро бывает обманчиво, — сказавши устами изображенного им неопытного чижика:

*Впредь утро похвалю, как вечер
уж наступит{1}.*

В русской журналистике также известен пример, подтверждающий мнение Ивана Ивановича Дмитриева: Новиков, после своих сатирических журналов, начал издавать «Утренний свет»; сначала все думали, что это будет хороший журнал, и хвалили, а потом увидали, что он весь наполняется скучнейшей метафизической чепухой, и бросили его; впрочем, его снова стали хвалить, когда Новиков начал издавать «Вечернюю зарю», которая была еще хуже.{2}

Имея пред собою столь поучительные примеры, мы должны бы были оставить разбор «Утра» до того времени, когда «Вечер» наступит на нашу литературу. Отклонить нас от разбора должно было и следующее деликатное предположение, выраженное в предисло-

вии «Утра»: «Что касается до присяжных журнальных ценителей, не везде еще отставленных за штатом, мы наперед радуемся удовольствию, которое доставим им нашими погрешностями против *стереотипных схем, с верою в кои им суждено сойти в могилу.* (Бедняжки!) Иные из этих господ, мы уверены, не задумаются даже, пользуясь выражением английского писателя, назвать выпрыгиваньем за окошко{3} нашу смелость *не пристроиться тотчас к какой-либо торгово-литературной фирме.* Исполать им!»

Мы не ручаемся за точный смысл этих слов (и кто может за него поручиться??); но нам кажется, что он на простом языке может быть выражен так: «Нас станут бранить за то, что мы не принадлежим ни к какой журнальной партии». Так по крайней мере поняли мы слова предисловия, и – признаемся – они-то именно и заставляли нас просмотреть «Утро» с некоторой внимательностью. Мы тотчас подумали: нет, тут что-нибудь да не так; человек действительно не принадлежащий ни к каким партиям всегда имеет столько беспристрастия, чтобы во всех их предполагать хотя

некоторую долю честности и добросовестности. Чуждаясь всех партий одинаково, он имеет ровно столько же шансов на благосклонность всех их, как и на порицание. Нет, малодушное предположение: «Меня обругают все партии» – является скорее всего у человека, который сам-то именно и служит одним из представителей партии или по крайней мере хоть какого-либо кружка. Он сам способен смотреть недоброжелательно на все, что выходит <не> из его кружка, и потому предполагает такой же взгляд и в других; он полагает, что его упрекнут в «выпрыгиванье за окошко», потому что сам понимает противные убеждения и партии не иначе, как в смысле «торгово-литературной фирмы».

Полные таких мыслей, мы принялись пересматривать статьи «Утра», и представьте себе наше торжество, когда мы убедились, что действительно *утренние* сочинители нам давно уже знакомы и что они именно составляли лет восемь тому назад кружок, который был даже несколько замечен при тогдашнем безлюдье и застое в нашей литературе. Если вы, читатель, следили за журналами лет во-

семь тому назад, то вы, конечно, отгадаете, что это за партия, если мы назовем даже только имена сотрудников «Утра» и заглавия некоторых статей. В «Утре» помещены два первые действия трагедии «Петр Великий» г. Погодина; тоже г. Погодиным напечатаны здесь «Две записки Татищева, относящиеся к царствованию императрицы Анны». Затем находим здесь: «Липы», повесть в стихах Н. М. Языкова; стихотворения гг. Алмазова, Колошина, Миллера и Хомякова; повести гг. Колошина и Железнова; «Взгляд на русскую литературу» Б. А., {4} «О поэзии Пушкина» Б. Алмазова; «Н. Щедрин и новейшая сатирическая литература» Е. Эдельсона. Не правда ли, что всех этих господ вы встречали где-то, не поодиночке, а почти всегда вместе, и что фамилии их имеют на себе какой-то особый, общий им всем, отпечаток?

Но вы не можете вспомнить, где именно их видели? Будемте же искать вместе; не наведет ли вас на что-нибудь еще одна фамилия, которой прежде в их кружке не было, но которая по многим отношениям может о них напомнить: это фамилия В. А. Кокорева, поме-

стившего в «Утре» свое письмо к С. А. Хрулеву под заглавием: «Из путевых заметок».

Все еще не вспоминаете? Так слушайте же, как называется, начинается и продолжается предисловие «Утра».

Называется оно: «Москва».

Начинается: «Москва издавна и всеми называется сердцем России» (стр. 9).

Продолжается: «Для нас, пристальных читателей отечественной летописи, predeterminedенных (!) и страстных наблюдателей народной жизни, – для нас, имеющих уделом дышать убеждениями, органически в нас вырастающими, Москва действительно есть и всегда будет сердцем (есть сердцем – разве так есть по-московски?) России» (стр. 10).

Далее продолжается: «Уподобляйте другие важные пункты государства каким вам угодно членам организма, – Москва остается сердцем» (та же страница).

Еще продолжается: «Первопрестольная столица всегда отправляла миссии сердца в общественном теле отчизны» (все та же страница).

Далее продолжается: «В Москве, как в серд-

це, *сосредоточиваются* все существенные бытия национальной жизни, все *самые горячие приметы* народного характера, самые резкие признаки (в сердце-то?) русского типа» (опять та же страница).

И еще продолжается: «Да, еще раз, – она есть сердце (на этот раз уж не сердцем) «России» (и все-таки та же страница, – все десятая).

Неужели и теперь еще не узнаете?{5} Нет, не может быть!.. О милое предисловие! Кто же не узнает в тебе незабвенного «Москвитянина» по этой любви к родине (то есть к Москве), по этому неумению говорить по-русски, по этой склонности к повторению одной и той же мысли в десяти разных фразах! Так это ты – *пристальный читатель* летописи, *предопределенный* наблюдатель народной жизни! Только тебе мог достаться изумительный удел: «*Дышать тем, что вырастает внутри тебя*!» Кто, кроме тебя, может дышать такими прелестями? Все люди дышат воздухом, *внешним* воздухом; ты только можешь дышать «убеждениями, *вырастающими* в тебе самом». Бедный! Я не завидую тво-

им легким, твоему обонянию и всему твоему делу. Особенно когда вспомню о пресловутых *заложениях*, которые в тебе образовались, как ты уверял несколько лет тому назад {6}.

Но, вспомнивши о *заложениях*, я уже не могу оторваться от милых воспоминаний, которые оставил в моем сердце незабвенный «Москвитянин» пятидесятых годов. Я доселе живо себе представляю те тощие книжки, в которых отличались *старая редакция* и *молодая редакция*. Старую представлял г. Погодин и отчасти г. Шевырев, молодую – гг. Б. Н. Алмазов, Е. Н. Эдельсон, С. П. Колошин и т. п. Я как теперь вижу пред собою рьяные статейки молодой редакции; старая редакция обыкновенно к первой странице их помещала примечание, гласившее, что молодая редакция городит чепуху; молодая же редакция вознаграждала себя тем, что в продолжение статьи старалась доказать, что старая редакция ничего не смыслит... Умилительно было видеть такое полное беспристрастие, и всякий читатель невольно наполнялся доверием к добро-

совестности обеих редакций. Как хороши после этого казались и объявления г. Погодина о том, что он в своих критических статьях все не может удержаться от старой профессорской привычки: означать достоинство сочинения числом баллов, как делал со студентами;{7} и рассуждения молодой редакции о *мевском* элементе в поэзии,{8} о достоинствах какого-то романа, состоящих в том, что герой его называется *Борисом*, о поставлении собственного я вразрез с окружающей действительностью;{9} и самые повести г. Колошина и стихотворения г. Б. Алмазова, Эраста Благонравова, графини Евдокии Ростопчиной и т. п. – как хорошо шли к «Москвитянину»!

И все это снова группируется теперь в «Утре», – все, за исключением графини Евдокии Ростопчиной, которая недавно умерла и – увы! – даже не почтена была некрологом ни в одном журнале... И даже отношения лиц остались те же самые: бывшая молодая редакция по-прежнему язвит исподтишка бывшую старую, а старая по-прежнему предъявляет свои претензии на то, чего в ней нет и не бывало. Так, например, в «Утре» помещены, как мы

сказали, два первые действия из трагедии г. Погодина «Петр Великий». Очевидно, что человек, занимающийся историей, пишет трагедию не затем, что ему нечего больше делать, а, уж верно, с мыслию – сделать свой труд литературным, художественным... Но послушайте, как г. Алмазов ограничивает все подобные претензии. В статье своей о поэзии Пушкина, на стр. 155, он говорит: «Слишком большая ученость плохо уживается с поэзией. Трудно представить себе, чтобы историк, подробно разрабатывающий исторические материалы, вполне художественно наслаждался характерами лиц, о которых говорится в разбираемых им актах». После такого объявления замечание г. Погодина, что в его трагедии «все лица, действия, мысли (?) и даже (!) большая часть речей и слов взяты из подлинных современных документов», – это замечание является уже прямо отрицанием чисто художественных, поэтических достоинств трагедии г. Погодина... Но, может быть, – она имеет все-таки достоинства по глубине основной мысли и по искусству ее развития? Очень может быть: г. Погодин – человек умный, имею-

ций много исторического знания и умеющий им пользоваться. По первым двум действиям нельзя произнести полного суда над всей драмой; можно заметить только некоторые частности, не совсем удачные; но из того, что напечатано, уже видно, что у г. Погодина была, например, одна новая в нашей литературе мысль – представить, между прочим, какое участие в деле Алексея Петровича принимал Меньшиков и Екатерина... Но послушайте, как об этом рассуждает г. Алмазов: «Какими частными достоинствами ни блистало бы поэтическое произведение, но если в нем развивается какая-нибудь философская идея, если поэт хочет им что-нибудь доказать, – оно уже лишено свежести и представляет натяжки в построении. Давно всеми признано за истину, что решение политических и социальных вопросов не дело поэзии, что *они вредят поэтическим произведениям*» (стр. 155). Итак – и с этой стороны г. Погодину полное осуждение. Но все-таки его трагедия может еще иметь значение как умное представление в лицах одного из важных исторических событий, служащее выражением особенного взгляда,

какой выработал ученый автор... И то может быть; но послушайте, как отзывается об этом г. Алмазов: «Если художник заимствует свой взгляд на исторические события из исторических книг, писанных с целью доказать какую-нибудь философскую истину, – произведения его, заимствованные из истории, будут явлениями *эфемерными*. Историческое соктэрство{10} суживает взгляд художника на всемирные события, заставляя его смотреть на них с одной какой-нибудь точки зрения, делает его произведения интересными [1] с одного какого-нибудь времени: падет школа, под влиянием которой они родились, они станут скучны и непонятны» (стр. 159). Тут уж полное осуждение трагедии г. Погодина. Положим, что он заимствовал свое содержание не «из исторических книг, писанных с целью» и пр., а прямо из источников; но все-таки он учился и имеет определенный взгляд на события, не чужой, правда, а свой собственный, – но это, пожалуй, еще хуже... для трагедии. Что касается *исторического сектэрства*, то никто, конечно, не откажет в нем г. Погодину... Итак, произведение его *эфемерно*; ес-

ли прибавим к этому, что школа г. Погодина давно уже заслонена у нас школою г. Соловьева, то выйдет, что оно еще *скучно* и *непонятно* в наше время... После этого остается только пожалеть, зачем трагедия г. Погодина не появилась в 1831 году, в который она была написана, как показывает цифра, под нею поставленная!.. Тогда она могла бы иметь хотя *эфемерный* успех, а теперь и того не дожидется. Самые интересные места в ней, по нашему мнению, – первая сцена второго акта и сцена допроса царевичу, делаемого Меншиковым в присутствии Петра и Екатерины. Весь смысл допроса выражается в словах, которые, приступая к нему, говорит Меншиков Екатерине: «Я так спрошу, что он во всем запрется». Нужно, впрочем, заметить, что и эти сцены замечательны вовсе не в литературном отношении, а только в отношении к исторической науке... Первую сцену второго акта выписываем всю, чтобы показать читателям и то, каков разговорный язык действующих лиц трагедии. Разговор происходит между Екатериною и Меншиковым в комнате пред кабинетом Петра.

ЕКАТЕРИНА

Что так спешишь ты, Александр
Данилыч?

Я из окна увидела тебя,

Нарочно вышла встретить и
спросить:

Да с кем же ехал ты? Мне показало-
лось...

КН. МЕНЬШИКОВ

С Толстым.

ЕКАТЕРИНА

Неужели? Что ты?

КН. МЕНЬШИКОВ

Он поймал

Царевича привез.

ЕКАТЕРИНА

Царевич здесь?

КН. МЕНЬШИКОВ

И не один: с поличным, да с ка-
ким? – Оказия

Чудеснейшая вышла

Для плана моего, как по заказу.

ЕКАТЕРИНА
Но расскажи.

КН. МЕНЬШИКОВ
Рассказывать все долго:
Царь закипит, а мы прибавим жа-
ру;
Он отрешит от царства Алексея
И предоставит...
(Екатерина улыбается.)
Улыбнулись, ваше
Величество! Да, да! Он вашим де-
тям
Отдаст наследство все и вам; а с
вами...

ЕКАТЕРИНА
Ах, полно, полно, Александр Дани-
лыч!
Чего желаешь ты: в чести, в бо-
гатстве...
Царь любит, жалует тебя всех
больше,
Ты первый человек по нем.

КН. МЕНЬШИКОВ
По нем!
А я хочу... со временем... ну что

же!..

По нем! по нем – что первый, что
десятый,
Без череды равны. Велика почесть!
(Хочет идти.)

ЕКАТЕРИНА

(удерживая)

А вспомнил ты своих врагов? ну
если...

Я вздумать не могу... тогда что
будет?

Ты упадешь. – И ты, и ты лишь
глубже

Копаешь яму под собой.

КН. МЕНЬШИКОВ

К чему ж

Договорились вы? Вот эту яму
Я и хочу застлать, что вас пуга-
ет.

Но не пугайтесь: все враги попа-
лись;

Однако ж обличать я их не стану,
Ни даже Алексеевых друзей.

Пусть лучше, между страхом и
надеждой,

Что туча, пронесясь, их не заде-

нет, —
Прочь отойдут и мне мешать не
станут
Окончить лишь царевичево дело.
Я легче справлюсь с одними с ни-
ми,
И уж потом спокойно дожидать-
ся...

ЕКАТЕРИНА
Но нет, не вмешивайся в это дело.
Подумай...

КН. МЕНЬШИКОВ
Все обдуманно.

ЕКАТЕРИНА
Смотри:
Не ошибись.

КН. МЕНЬШИКОВ
А разве я ошибся прежде?..
Как нынче встал. Сердит он или
весел?

ЕКАТЕРИНА
Он что-то пасмурен. Сложивши
руки

*Назад, по комнате он молча хо-
дит,
Лоб потирает и за стол садится.
Не шведский ли курьер к нему при-
ехал?*

КН. МЕНЬШИКОВ

*О нет. Об академии он пишет.
Вот, кстати ж, я обрадую его
Известьем.*

Читатели видят, что персонажи г. Погоди-на умеют выражаться красноречиво. Но что-бы они вполне могли оценить, к созданию ка-кого красноречия способен г. Погодин, пред-ставляем им два места из речей самого Петра. Узнав о заговоре Алексея, Петр ходит по ком-нате (историческая черта!), а потом, остано-вившись, с жаром проговаривает стихов пятьдесят, из коих последние таковы:

*Я чувствую: кровь закипает в жи-
лах,
Грудь поднимается, и тяжелеет
Рука, и напрягаются все мышцы.
Я наполняюсь силой, наполняюсь.
Подайте же мне партию его!
Подайте мне ее сюда. Скорее*

Я голову срублю одним ей махом,
[2] —
Я раздавлю, я задушу ее.
Я разотру шипящую ехидну
В своей руке и прах ее развею:
Подайте ж и его ко мне, злодея,
Последнюю надежду темной си-
лы!
Где он? где он? Ко мне! скорей,
живого
Я разорву на части.

В это самое время вводят царевича Алексея; Петр бросается к нему, но вдруг останавливается в смущении и произносит:

Он – мой сын...

Драматический эффект выходит сильный, вроде знаменитого «*qu'il mourut*». [3] Но в настоящее время русское сердце уже не поражается подобными кликами; оно может нынче сочувствовать только возгласам вроде: «Надо крикнуть на всю Россию, что пора искоренить зло с корнями», {11} или: «Я становой пристав и потому не могу изменить своим убеждениям...» {12} Вот если бы г. Погодин ос- новал свою трагедию на том, что Петр распе-

кает Меньшикова за взяточничество, то она имела бы несомненный успех в современном русском обществе...

В настоящее время не многие, вероятно, придут в умиление даже от следующих слов, обращаемых Петром к своему сыну, младенцу Петру, лежащему на руках у Екатерины:

Царь будущий!

Петруша! знаешь ли, что в этот час

*Решается судьба твоя, судьба
России всей, которая надолго
Под власть твою, быть может,
достаётся.*

*О, если бы тебе я с сим наслед-
ством*

*Мог передать свою любовь, свой
пламень!*

*С какою б радостью я согласился
Хоть в кабалу идти на целый век,
Ко шведам, туркам, дьяволу... на
муку!*

*Пойдешь ли по следам моим ты,
друг мой,
Возлюбленный сын сердца моего,
Сын Катеньки моей неоцененной?
Подвигнется ли при тебе Россия,*

*Которая теперь лишь шевелить-
ся*

*Всем телом под моим дыханьем
стала?*

*Исполнишь ли мои ты мысли,
планы?*

*Исполни их, мой друг! – Любовь к
отчизне*

*Чистойшая, и опыт многолет-
ний,*

*И труд, и размышление ночное
Внушили их, – и ты, благословен-
ный,*

*Сойдешь в историю, а я на том
уж свете*

Возвеселюся духом о России

*И радости святой слезами смою
То едкое, то жгучее пятно,
Которое теперь, как ржа, садит-
ся*

На сердце онемелое мое.

*(Плачет. – Потом устремляет к
небу глаза, наполненные слеза-
ми, и, положив руку на сердце, го-
ворит)*

*О господи! за все мои труды,
За дни и ночи безо сна, за голод,
За жажду, пот и кровь, – награду*

*эту,
Даруй награду эту, милосердый!
(Бросается целовать младенца.)*

За этот монолог г. Погодин стяжал бы себе в 1831 году почетное место рядом с г. Кукольником; о нем сказали бы, что он в драматической поэзии – то же, что Марлинский в эпической, а Бенедиктов в лирической... Сказать это, впрочем, можно и теперь; только теперь такой отзыв имеет уже не то значение, что прежде... И место рядом с г. Кукольником – увы! – не считается уже ныне столь почетным, как прежде...

Зато по другой части, по обнаругованию исторических материалов, старая редакция «Москвитянина» отличилась и в «Утре» так же, как отличалась в «Москвитянине». Г-н Погодин напечатал в сборнике две записки Татищева: 1) «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном»; 2) «Напомнение на присланное росписание высочих и нижних государственных и земских правительств». Особенно любопытна первая записка, в которой Татищев восстает на безза-

конный образ действий тогдашней аристократии, рассуждая о следующих четырех предметах (стр. 370):

1) По кончине государя безнаследственною, имеет ли кто над народом власть повелевать?

2) Кто в таком случае может каков закон или обычай застарелый переменить и новый учинить?

3) Ежели нужно нам самовластное древнее правительство переменить, то прежде рассудить, какое по состоянию народа и положению за лучшее?

4) Кому и каким порядком оное учреждение сочинить?

На первые два вопроса Татищев отвечает, что никто не может властвовать и давать законы по смерти государя, не оставившего наследников, до тех пор, пока не будет избран новый государь. Высшим сановникам государь вручает от себя часть власти, как свое представительство в известных отраслях управления; но законы все исходят только от него, и по смерти его «власть оных (вельмож) пресекается, а остаются равны вообще народ

в их прежнем стане, и никто ни над каким ни малейшей власти не имеет, доколе последовавший государь оных паки утвердит или, отреша, иных определит». Таким образом, до утверждения нового государя при всех прежних властях остается только та доля исполнительской власти, какая была им предоставлена по прежним распоряжениям... Новых же порядков установить никто не может, – разве общенародное соизволение. Все это говорит Татищев к тому, что сановники поступили незаконно и преступно, «дерзнувши собою единовластительство отставить, а ввести аристократию».

На третий вопрос – о перемене правительства, Татищев отвечает очень пространно. Сначала он излагает общие свои понятия о трех родах правления, утверждая, что демократия «в единственных градах или весьма тесных областях с пользою употребиться может; в областях же, хотя из немоликих градов состоящих, но от нападений неприятельских безопасных, как-то на островах и пр., может аристократическое быть полезно»; но что «великие и пространные государства для многих

соседей завидующих некоторым из объявленных правиться не могут; особливо где народ не довольно учением просвещен и за страх, а не из благонравия или познания пользы и вреда закон хранят; – в таковых не иначе как само– или единовластие потребно». Затем он приводит примеры разных государств, говоря, между прочим, что «Испания, Франция, Россия, издревле Турецкое, Персидское, Индейское, Китайское, яко великие государства, не могут иначе правиться, как самовластьем». Переходя наконец к определению того, какое из трех правлений всех лучше для нашего государства, Татищев говорит, что демократия не годится по причине величины государства, аристократия же нас «довольно вредом приключенным научила: для сего нужно исторически прежде бывшее вспоминать». В воспоминаниях прежде бывшего Татищев является безусловным приверженцем того, что у новейших публицистов называется централизациею власти; но «воспоминания» его любопытны, как образчик того, на какой степени развития были у нас политические знания 130 лет тому назад. Мы приво-

дим одно место из записки Татищева, и читатели, конечно, согласятся, что в наше время, несмотря на страшный прогресс, провозвещенный нашими публицистами, много еще найдется людей, не дошедших и до той степени логичности и широты взгляда, какие обнаруживает Татищев.

Заметивши, что Русь процветала до введения удельной системы, Татищев продолжает (стр. 373):

Как скоро великие князи детей своих равно стали делить, и оные удельные, не повинуюся великим князям, ввели аристократию, а потом несогласиями друг друга разоряли, и сделались великие князи бессильны, тогда татары, нашед, всеми обладали; литовцы бывшую под властью многую часть от государства отторгнули. И так пребывало государство в рабстве татарском более двух сот лет.

Иоанн Великий осмелился ту аристократию истребить. Многие княжения присовокупил, паки монархию восстановил и, усилився, не токмо власть татарскую низвергнул, но многие земли у них и Литвы, ово сам, ово сын его,

возвратил. И так государство прежнюю свою честь и безопасность приобрело, что продолжалось до смерти Годунова.

По низвержении Лжедмитрия, коварное избрание Шуйского и зависть в том Голицына и других привели на новое беспутство: взять на государя запись, которою всю власть, у государя отняв, себе похитили, подобно как и ныне; но что из того последовало? Крайнее государства разорение. Поляки и шведы многие древние русские пределы отторгнули и овладели.

Царя Михаила Феодоровича хотя избрание было порядочно всенародное, да с такою же записью, чрез что он не мог ничего учинить, но рад был покою. Царь Алексей Михайлович, получа случай самому в Польше войском управлять и чрез то силою паки часть самовластия возврати, многие пределы от Польши возвратил; и если бы ему властолюбивый Никон патриарх не воспрепятствовал, то б, конечно, более пользы государство его самовластием приобрело.

Петр Великий все оное усугубил и боль-

шую, нежели его предки, себе и государству самовластием честь, славу и пользу принес, как то весь свет может засвидетельствовать; и посему довольно всяк благорассудный видеть может, колико самовластное правительство у нас всех прочих полезнее, а прочие опасны. Не видели ль мы, как при самовластном, но молодом и от правления внутреннего удалившемся монархе велику власть имеющие Мазепа действительно, а Гагарин намерением подданства отложиться дерзнули? Ежели же кто то рассуждает, что единовластное правительство весьма тяжело и, 1-е, единому человеку великую власть над всем народом дать не безопасно; ибо как бы мудр, справедлив, кроток и прилежен ни был, беспогрешен же и во всем достаточен быть не может; коль паче когда страстям своим даст волю, то нужно наглым, неправым насилиям и гублениям неповинных происходить. 2-е. Когда он изберет во временщики кого, то оный равно самовластен и еще из зависти более других губит, особливо если подлородный или иноземец, то

наипаче знатных и заслуживших государству ненавидит, гонит и губит, а себе ненасытно именья собирает. 3-е. Вымышленная свирепым царем Иоанном Васильевичем тайная канцелярия в стыд и поношение пред благорассудными народами, а государству разорение; ибо за едино неосторожно сказанное слово пытаются, казнят и детей невинных именья лишают.

Сии точные их слова я напомним, сим возражаю:

На 1-е. Хотя человек, конечно, всякий не беспогрешен, однако государи имеют советников, избирая из людей благорассудных, искусных и прилежных; и как он, яко господин в своем доме, желает оный наилучшим порядком править, так он не имеет причины к разорению отчизны ум свой употреблять; но паче желает для своих детей в добром порядке содержать и приумножить. Если же такой несмысленный случится, что ни сам пользы не понимает, ни совета мудрых не принимает и вред производит, то можно принять за божие наказание; но что для того чрезвычайного приключения

порядок прежний переменить – оное не благорассудно, и кто может утверждать, если видим коего шляхтича, безумно дом свой разоряющего, для того всему шляхетству волю в правлении отняв, на холопей оное положить, ведая, что никто сего не утвердит. А понеже правительство государства должно по степеням всюду равно быть, то по состоянью власти шляхетской в их домах должна и государственная неколико согласовать, так то достаточно другими областями доказать можно.

На 2-е. Что фаворитов или временщиков принадлежит, то правда, что от оных иногда государство много бед терпит; да сие более в республиках случилось, как о древней греческой и римской истории читаем, как, усилився, некоторые вельможи междоусобием великие разорения нанесли; и сего нам наипаче опасаться должно, чего в монархии едва в пример сыскать можем ли. Я не хочу далеко искать, но всем нам довольно известно, как неистовые временщики погубили совсем: царя Иоанна Васильевича – Ску-

ратов и Басманов, царя Феодора Алексеевича – Милославский; наших времен Меншиков, Толстой и другие. Противно тому благоразумные и верные: царя Иоанна – Мстиславский, Романов, Шуйский, царя Алексея – Борис Морозов и Стрешнев, царя Феодора Алексеевича – Богдан Хитрой и Языков, царевны Софии – князь Василий Голицын, – великую честь и благодарение вечно заслужили, хотя некоторые по ненависти других в несчастии жизнь окончили. На 3-е. Тайная канцелярия хотя весьма давно и суще ежели не при Августе, то при Тиберии, наследнике его, для безопасности монарха вымышлена, и она, если токмо человеку благочестному поручится, нимало не вредна; а злостные и нечестивые, не долго тем наслаждался, сами исчезают, как всех, так таких по истории прежних и при нас бывших видим.

Вторая записка Татищева заключает в себе мнение его о некоторых частях государственного и общественного благоустройства, по поводу «рописания правительств», составленного тогда в сенате. Любопытно начало его за-

Как я оное прилежно рассматривал, то я не мог не дивиться тому, что оное хотя большею частию мудрости политической и науке географии принадлежит, токмо все оных правила нахожу презрены, а чрез то необходимо нужно было приключиться недостаткам и погрешностям.

Непристойно бы и весьма продерзко было, если бы я хотел себя умнее тех почитать, от которых повеление о том было, то есть: сенат правительствующий, ведая довольно, что и при первом росписании губерний, провинций и городов в сенате были люди достаточные и мудрые; вина же та приключилася от следующих причин: 1) Описания достаточного и ландкарт исправных не было. 2) Сами во всех пределах не бывали, а знающих обстоятельно расспросить времени не имели; ибо все имели особливые правления и многими делами были отягчены. 3) Как большею частию из сенаторов и сильных людей в губернаторы были назначены, – так по властолюбию или любоимению, несмотря ни на порядок,

ни на пользу, города и провинции в свою власть захватывали, кто которые хотел, что мне доказует князь Меншиков: Ярославль для богатого купечества, Тверь для его свойственников, в посаде бывших, приписал к С.-Петербургу; Гагарин – Вятку и Пермь к Сибири, и пр. 4) Оное поручено было более секретарям, которые хотя вышеобъявленных наук не слыхали, но к собранию богатств весьма хитрые; оные довольно при сем росписании свою пользу хранили и после города, по щедрым просьбам, из одной провинции в другую переписывали.

И затем – мы имеем дело с молодой редакцией. Впрочем, нет еще: старой, самой старой из старых должны мы приписать помещение стихотворения г. А. П. {13} «Из Шиллера», которое начинается следующими стихами:

*Красотой ты возгордилась,
Своим личиком – стыдись...*

К старой же, а если не к старой, то уж и не к молодой редакции нужно отнести стихотворение г. Хомякова: «Благочестивому Меценату». Это стихотворение обращено к какому-то

мудрому другу, который с побережья царственной Невы кротко обращает очи на темные главы г. Хомякова и его друзей. Этот друг испил до дна кубок ленивой роскоши, но подчас поощряет их на подвиг речами небрюзгливой ласки. За круговой чашей он хвалит их строгий пост и простой быт плебейской веры. За эти качества г. Хомяков просит его принять привет от темной черни людей им взысканных, и приношения скромной дани благодарственных речей их. В заключение поэт желает, чтобы крылья бури не смущали лазури безоблачных высот Мецената, чтобы мысль не тяготила его главы железною рукою и чтобы вечно цвел весною румяный пух ланит его.

Счастлив будет тот, кто поймет, что означает это стихотворение, так явно презиращее здравый смысл и всякую толковость в выражении мысли. Признаемся, мы не добились такого счастья: мы не могли понять, как это пух может цвести, мысль – тяготить главу железною рукою, крылья – смущать высоту и лазурь, и т. п. [4] Мы даже подумали было, что эти стихи – пародия; но на что же пародия?

дия? Разве на знаменитого автора «Юродивого мальчика, взыгравшего в садах Трегуляя» {14}.

Но, несомненно, молодой редакции принадлежат стихотворения и повести гг. Колошина и Алмазова. Впрочем, прежде чем мы коснемся *практики* этих господ, мы должны познакомиться с новым выражением их теории – в статьях критического содержания. Таких статей в «Утре» три: о поэзии Пушкина, о литературе 1858 года, о Щедрине. К ним можно прибавить *предисловие*, о котором мы уже упоминали, и размышления г. Колошина «*По поводу (!) американской женщины*», очень похожие на предисловие по своему удивительному тону и по непримиримой вражде к Североамериканским Штатам. В этой вражде сходятся, так сказать, начало и конец «Утра», потому что *по поводу* американской женщины г. К – н рассуждает в самом конце сборника. Таким образом, на первых страницах в предисловии говорится, что Американские Штаты – ряд лавок и складочных мест, ватага искателей приключений, не более, – и заповедуется

следующее: «Не смотрите на Америку, или смотрите, да смотрите трезво и – содрогайтесь перед поучительным образчиком» (стр. 12). В последней же статье книжки выставляются с особенной любовью «нелепые стороны американского мирозерцания относительно женщины» и «вопиющий абсурд блумеризма»;{15} заключительные слова сборника те, что «рассказы об Америке не раз приводили нам на память *меткое* слово о Новом Свете одного известного *русского публициста*, двадцать лет тому назад сказанное: «Яровой пшеницы между государствами, видно, не бывает»(стр. 434 и последняя, последние строчки).

Таким образом, альфа и омега «Утра» – ненависть к Америке и ео ipso [5] (как выражаются сотрудники того же «Утра») – любовь к родине, то есть к Москве. Ничто, по их мнению, так не противоположно Америке, как Москва: там, видите, *паровая выводка* народности,{16} а здесь настоящая огородная народность; там *польза и утилитаризм*, а Москва постоянно «ведет борьбу против заразного *принципа* утилитарного повет-

рия», – и в доказательство своего мнения о *принципе поветрия* (твердый, должно быть, принцип!) предисловие приводит одно из важнейших исторических событий, которое, по его собственному признанию, «имеет для него глубокое значение» и на котором оно «останавливается с любовью».

«Укажем, – говорит предисловие, – на один факт, поясняющий наш взгляд на Москву. Давно ли у нас стали плодиться журналы, а в Петербурге (по вычислению, за которое мы обязаны «Современнику» [6]) в 1858 году уже выходило двадцать девять уличных листков, {17} которых единственным побуждением (*побуждением листков? и к чему?*) была торговая спекуляция не выше и не ниже открытия харчевни близ места, где бы вдруг должна была сойтись толпа рабочего народа (?!). В Москве до сегодня *нет, кажется*, ни одного подобного предприятия, *и мы уверены, что не будет*».

Какая сила мысли! Какая логическая последовательность! Теперь, – *кажется*, нет; а в будущем – *наверное* не будет. Это очень хорошо, и после такого образчика логики *предис-*

Словия мы уже нимало не удивляемся, когда оно восклицает в заключение: «Как ни незначителен факт с виду, для нас он имеет глубокое значение, и мы останавливаемся на нем с любовью». Очевидно, что и здесь предисловие руководилось той же самой логикой: «Кажется, этот факт не имеет значения, но мы уверены, что он имеет глубокое значение». Славная логика в предисловии: как будто над ним трудились общими силами – и старая и молодая редакция!

Из любви к Москве, как противнице утилитаризма, проистекает в «Утре» защита теории искусства для искусства. До сих пор нигде, кажется, не было (и мы уверены, что не будет) так резко выражено последнее слово этой прилизанной теории, как в статьях «О поэзии Пушкина» Б. Алмазова и «О литературе 1858 года» Б. А. ...Толки об «искусстве для искусства» идут уже давно в русской литературе, но приверженцы чистой художественности так смутно, сбивчиво и разноречиво высказывали обыкновенно свои мнения, что не мудрено, если многие из читателей остаются до сих пор в недоумении относительно

настоящего значения теории «искусства для искусства». Поэтому мы скажем о ней здесь несколько слов, прежде чем будем говорить о мнениях г. Алмазова.

Под теорией чистой художественности или искусства для искусства разумеется вовсе не то, когда от литературных произведений требуется соответствие идеи и формы и художественная отделка внешняя; к этой теории вовсе не принадлежит то, когда в писателе хотят видеть живую восприимчивость и теплое сочувствие к явлениям природы и жизни и уметь поэтически изображать их, переливать свое чувство в читателя. Нет, такие требования предъявляет всякий здравомыслящий человек, и только на основании их всякая, самая обыкновенная критика произносит свой суд о *таланте* писателя. Требования поборников «искусства для искусства» не те: они хотят – ни больше, ни меньше как того, чтобы писатель-художник удалялся от всяких жизненных вопросов, не имел никакого рассудочного убеждения, бежал от философии, как от чумы, и во что бы то ни стало – *распевал бы, как птичка на ветке*, по выражению

Гете,{18} которое постоянно было их девизом. Остаток здравого смысла не позволял, однако же, поклонникам чистой художественности высказывать свои требования слишком прямо и бесцеремонно. У них доставало рассудка, чтобы сообразить, что их требования, если их выразить без всяких прикрытий, будут смахивать на требование от писателя того, чтобы он весь век оставался круглым дураком. Поэтому они до сих пор старались смягчать свою теорию разными ограничениями и поэтическими обиняками; а противников своих старались выставить кулаками и если не Чичиковыми, то по крайней мере Собакевичами, которые не умеют понимать ничего прекрасного и не имеют высокой страсти ни к чему, кроме приобретения материальной пользы. Благодаря таким эволюциям мнения их получали вид довольно приличный и обманывали даже многих людей не совсем глупых.

Г-н Алмазов поступает иначе: он не хочет никаких прикрытий и ограничений и высказывает свои задушевные идеи en toutes lettres. [7] Недаром же в «Москвитяине» провозглашалась *искренность* критики!{19} С полной

искренностью г. Алмазов объявляет, что практическая, да и всякая жизнь – противоположна поэзии, так как жизнь есть ряд непрерывных изменений, а истинный поэт должен говорить только о том, что неизменно. Он говорит только о том, о чем призван говорить: о боге, красоте, сердце человеческом, – о том, что неизменно, вечно, что нужно для всех веков и народов» (стр. 163). Еще резче выражается г. Б. А. о том же предмете в своем «Взгляде на *литтературу* 1858 года». Упомянув о том, что у нас все теперь хлопочут об общественных улучшениях, в литературе раздаются споры о вопросах практической важности, г. Б. А. продолжает: «Но как бы ни были полезны эти хлопоты, какие бы прекрасные надежды ни звучали в этом шуме и спорах, от них бежит поэзия, не терпящая никаких хлопот и требований» (стр. 57). Далее, опрокидываясь на *утилитарную* литературу, г. Б. А. язвительно замечает: «Но поклонники чистого искусства должны все это переносить без ропота и, при мысли о современном состоянии нашей литературы, утешать себя следующей перифразою слов Крылова из басни «Певцы»

(то есть в самом-то деле не «Певцы», а «Музыканты»):

*Они немножко и дерут,
Но все с прекрасным направле-
нием»{20}.*

И этот, очень удачный, сарказм обращен на современную литературу не за то, что она слаба (она действительно слаба), а просто за то, что занимается общественными вопросами. Г-н Б. А. решительно не хочет признать, чтобы в общественной жизни могло быть что-нибудь поэтическое: он находит поэзию только в неизменном, то есть в неподвижном и мертвом.

Отправляясь от таких положений, г. Б. Алмазов и воспеваает Пушкина. В статье его нужно различить два рода мыслей: *чужие* – справедливые, но давным-давно всем известные и даже избитые до пошлости – и *собственные*, которых оригинальность равняется только их неосновательности. Всякому, кто не вовсе без смысла читал статьи Белинского о Пушкине, давно известно, что отличительным признаком его поэзии признано – уменье его всем на

свете очаровываться и с необыкновенной правдой и красотой передавать это очарование в своих стихах. С этим главным качеством тесно связаны были у Пушкина и удивительная чуткость его к самым разнообразным впечатлениям, и ясное спокойствие, и теплота его сердечных движений, и то *чувство меры*, которое всегда отличало его в изображениях страстей, и та сияющая красота образов, которою так поражает он самое ленивое и тупое воображение. Все это давно читали мы у Белинского, да у него же читали мы и то, что, умея находить прекрасное во всем, муза Пушкина ни к чему не привязывалась в особенности, не служила никаким идеям и стремлениям и совершенно не имела определенного, сознательного мирозерцания. {21} Все это г. Алмазов повторяет с важностью, как собственные открытия, и даже в конце статьи называет эти повторения избитых истин «своими личными впечатлениями при мысли о Пушкине». По нашему мнению, г. Алмазов легко мог бы обойтись без таких кокетливых оговорок: в статье его есть много оригинального, несомненно ему принадлежа-

щего, и мы, для удовольствия читателей, постараемся, сколько возможно короче, изложить его *собственные* идеи, резко расходящиеся со всем, что доселе нам было известно.

До сих пор все полагали, что отсутствие определенного направления и серьезных убеждений составляет важнейший недостаток поэзии Пушкина{22}. Полагали, что его странные колебания между Парни, Державиным и Байроном, между убеждениями самыми противоположными, – происходили от недостатка серьезного образования и от легкомысленности воззрений. И чем более удивлялись громадности поэтического таланта Пушкина, тем более сожалели о шаткости и смутности его убеждений, не давших ему глубже всмотреться в окружающую его действительность и отразить в своих поэтических созданиях еще более важные и существенные стороны жизни, нежели какие он изображал. Думавшие так – рассуждали следующим образом. В художественных произведениях поэт перерабатывает материал, данный ему действительностью; поэтому достоинство произведения зависит от двух при-

чин: от силы таланта поэта и от качества и обилия его материалов. Наблюдая одно и то же явление, два поэта могут изобразить его лучше или хуже, смотря по степени их таланта; но и при совершенно равном таланте будет, вероятно, некоторая разница в живости, силе и поэтичности изображений, если одному из двух поэтов дать описывать стеариновую свечку, а другому звездное небо или солнечный день, одному – клопа, а другому – арабского жеребца или орла, и т. п. Поэтому, какова бы ни была степень таланта, но всегда очень важно и то, на какие предметы он будет направлен, чем в особенности приучит себя поражаться впечатлительная натура поэта. И в этом отношении надобно сожалеть, что Пушкин с самого детства направляем был так легкомысленно и что многие из важнейших явлений и вопросов жизни прошли мимо него незамеченные, между тем как он предавался то псевдобайроническим порывам, то барабанному патриотизму. Подобные мнения слишком обыкновенны и слишком утилитарны для г. Алмазова. Повергнувшись ниц пред теориею чистого искусства, он идет с

нею до геркулесовых столбов... эксцентричности, чтобы не сказать чего-нибудь хуже. Он утверждает, что Пушкин выше всех поэтов, когда-либо существовавших на земле, потому именно, что его поэзия не имеет определенного направления и не служит никаким идеям. Байрон, Гете, Шиллер – великие поэты, конечно; но видите ли что: «Каждый из них в произведениях своих определительно выразил направление, которому следовал, идею, которой служил; каждый не только доставлял читателю одно художественное наслаждение, *но и разрешал перед ним нравственные и другие жизненные вопросы* и потому имел влияние на понятия своего века» (стр. 142). Последнее обстоятельство не нравится г. Б. Алмазову, и он утверждает, что великие поэты других стран – если и могут быть поставлены выше Пушкина, то разве по заслугам для науки и общества, но никак не в поэзии. «Ни один из них не выразил всех сторон поэзии, а в самом себе не заключал всех свойств поэтической природы, подобно Пушкину; никто из них в равной степени с Пушкиным не имеет права на скромный титул поэта» (стр. 149).

Пусть бы и так; но почему же это? – А вот почему: натура Пушкина была счастливо организована из равновесия разных противоречий и потому не допускала исключительных увлечений в ту или другую сторону. Таким образом, ничто не мешало ему отражать жизнь во всей ее полноте, ничто не могло приковать его к какой-нибудь частной сфере деятельности. Например, он не мог посвятить себя государственным вопросам: это спасало его поэзию, потому что «поэт, который постоянно занят государственными вопросами, невольно смотрит на все с точки зрения государственной пользы, и потому многое, как в людях, так и в природе, не пленяет и не вдохновляет его. Красы природы его не занимают; мечтаньям и грезам труден доступ к душе его: как же такому серьезному человеку быть вполне поэтом?» (стр. 151). Последняя фраза имеет несколько шутовской характер; но все содержание статьи доказывает, что автор и не думал шутить. Через две страницы он бесцеремонно продолжает: «Подобно склонности к государственной деятельности, склонность к ученым исследованиям и философии

также вредит поэтическому созерцанию... Взгляд на предмет ученого или философа слишком пытлив, сознателен и систематичен, лишен непосредственности, много препятствует свежести и свободе впечатления» (стр. 153). Далее доказывается, что «философское созерцание вредит самой форме поэтических произведений, отнимая у них прелесть безыскусственной речи»... Пушкина, разумеется, никто не упрекнет в излишке философии, и потому – он был великий поэт. Мало того – по мнению г. Алмазова, он не имел даже ни малейшего стремления к теоретической истине, ни малейшего желанья остановиться на чем-нибудь в основных своих воззрениях. «Он не верил, – говорит г. Алмазов, – в прочность философских систем, видя, как быстро они вытесняются одна другою, и потому не находил пользы хвататься за такие ненадежные опоры» (стр. 158). За это г. Алмазов похваляет Пушкина; но ежели слова критики справедливы, то из них можно заключить только о легкомыслии поэта и о слабости в нем инстинкта истины: как-таки отвергать философию только на том основании,

что в ней часто возникают новые системы? Кто, кроме человека пустого и легкомысленного, мог бы удовольствоваться таким внешним признаком? И мы, в самом деле, сомневаемся, чтобы Пушкин такими именно соображениями руководился в своем отвращении от философии. Они скорее должны быть приписаны его обязательному критику, который отрицает пользу для поэта – не только философии, но и вообще логического мышления. Он полагает, например, что в драматических произведениях, писанных для сцены, только идея, мотив, принадлежит поэзии, а все развитие драмы есть «плод холодных расчетов, посторонних искусству, ремесленная работа» (стр. 183). Поэтому Пушкин, как истинный поэт, служитель чистого искусства, никогда не мог, по мнению г. Алмазова, сделаться «драматическим писателем, вроде Шекспира». (Бедный Шекспир!) И это еще не все: поэту не позволяется даже в практической жизни думать и заботиться о чем-нибудь.

*Не разумел он ничего,
И слаб и робок был, как дети*{23},

вот каков должен быть истинный поэт, по мнению г. Алмазова. Поэт не должен даже знать различия между добром и злом, и в этом отношении Пушкин обладал великим качеством, которого, по мнению г. Алмазова, лишен был Шекспир: – изображать самый порок с поэтической точки зрения, скрывая его безобразия... И все эти милые положения делаются для того, чтобы отделить науку от искусства!..

Совершенно отделяя поэзию от науки (наука, видите ли, – простое, земное, обыкновенное знание, проза; а поэзия – нечто высшее, священное, горнее), г. Алмазов тщательно заботится о том, чтобы наука как-нибудь не втерлась и в самое искусство. Поэтому он запрещает поэту изучать эстетику и даже историю литературы с философским методом, так как это мешает живости и свободе впечатлений и уничтожает *искренность*. При этом любопытно замечание г. Алмазова, что он не унижает науку, считает ее даже полезнее поэзии, но хочет *отделить* поэзию от науки, так, чтобы между ними не оставалось уже ничего общего. В Пушкине он действительно нахо-

дит творчество совершенно изолированным от науки и потому считает его совершенно поэтическим. Любопытно, как он это доказывает. «Что Пушкин творил непосредственно, – говорит он, – что источник собственного вдохновенья был для него священной тайной, между прочим доказывается тем, что он хранил у себя перстень, с которым, по его мнению, было связано его дарование» (стр. 161).

Много курьезных вещей представляет статья г. Алмазова, но после его открытия о перстне все остальные должны уже показаться несколько бледными, и потому мы оставляем эту милую статью, благодаря автора за веселые минуты, которые она нам доставила.

Рядом с статьею о поэзии Пушкина не много замечательного представляет уже и статья о литературе 1858 года. Разве только краткость и сила некоторых отзывов интересна. Вот, например, несколько строк на выдержку.

Вышли в 1858 году собрания стихотворений гг. Плещеева, Панютина, Прокоповича и покойного Языкова. В стихотворениях г. Плещеева много истинно-

го чувства; но они однообразны и не представляют пока ничего оригинального в отношении формы стиха. – Стихотворения г. Панютина не без достоинств. Если их недостатки происходят, как нам показалось, от молодости и незрелости, то есть надежда, что автор со временем усовершенствуется. (Какая великая мысль!) – Стихотворения г. Прокоповича хороши только в отношении языка и стиха. Что касается до стихотворений Языкова, то для разбора их требовалась бы особая большая статья: разбирать их наскоро мы считаем себя не вправе (стр. 67).

Можно надеяться, что г. Б. А. сочинит со временем «Курс истории русской литературы Константина Зеленецкого».{24}

Не столь замечательна, как статьи г. Б. Алмазова, статья г. Эдельсона о Щедрине. Начинается она прекрасными рассуждениями об обильных и благотворных результатах нового движения, о гласности, самосознании, борьбе с застарелыми общественными предубеждениями и пр. Затем отдается справедли-

вость Щедрина и его последователям с умеренно утилитарной точки зрения. Но в заключение говорится, что Пушкин и Гоголь имели больше таланта, чем нынешние обличители, и что напрасно современная критика принесла Пушкина и Гоголя в жертву Щедри-ну (стр. 362). Где вычитал г. Эдельсон о таком жертвоприношении, мы решительно не можем припомнить... и не можем даже сделать никаких предположений. Разве «Северная пчела» для вящего унижения Гоголя не под-няла ли уж над ним кого-нибудь из современ-ных обличителей?

Впрочем, у кого что болит, тот о том и го-ворит. Доказательство тому представляют, например, путевые заметки г. Кокорева. Куда ни приедет, на что ни взглянет, все у него злоупотребления да винокурение. Г-н Алмазов был бы прав, если бы свои понятия о поэзии приложил к г. Кокореву, с отрицательной сто-роны. Описывая Нарву, г. Кокорев говорит: «Город разделен Наровой. На той стороне ре-ки все хорошо, а на этой – хижины, лачужки, кабаки, откупная монополия, скверное вино и прокислое пиво» (стр. 199). Об Эстляндии он

замечает: «Там нет откупа: вино курят свободно, значит есть барда, – скот сыт и удобрения вдоволь» (стр. 201). В Эстляндии даже хозяин одной станции объясняет ему, что «если они и не дают казне питейного дохода с откупа, так и не требуют от нас денег на содержание чиновников» (стр. 202). Замечательно, что и хозяева станций тотчас понимают, о чем надо говорить с г. Кокоревым. Видно, так уж г. Кокореву самой судьбой назначено на каждом шагу встречать – откупа и кабаки, питейные доходы и винокурение, кабаки и питейные доходы, винокурение и откупа. В одном месте г. Кокорев делает даже такой афоризм: «Желая познать край, необходимо заглянуть во внутренность заезжего дома, или корчмы» (стр. 202).

Но пора обратиться к художественной деятельности самих проповедников художественности. Какие художественные достоинства представляет, например, повесть г. Колошина? – Но, боже мой! кому же придет в голову искать художественности в повести, которая называется «Светские язвы»? Вы уже по заглавию можете догадаться, что она имеет

характер обличительный, и ваша догадка будет справедлива. Содержание повести вот какое. Граф Хвалынский, старый развратник, женился на женщине, которая его не любила; вскоре при ней оказался молодой человек, от которого у нее и родился сын. Муж узнал все это, объяснился с женой, но ни малейшего скандала не сделал. Молодой Хвалынский возрос, научился разным наукам и сделался прекрасным молодым человеком, с благороднейшими стремлениями. Отец записал его на службу, он же – не только не ходил в должность, но даже не делал визитов своему директору департамента, а все сидел за книжками и рисунками, обогащая свой ум и сердце. Отец отправил его за границу, чтобы он свет узнал; а он погрузился там уж вовсе во тьму премудрости. Отец увез его в деревню; а он там влюбился чистою, платонической любовью в бедную девушку, дочь соседа. Видя, то от него толку нет ни в чем, а малому уж двадцать пять лет, Хвалынский задумал женить его на богатой невесте, которую сам выбрал и которой приданое могло поправить его расстроенные обстоятельства. Молодой граф

ненавидит ее и жениться не хочет; страдания, борьба, в продолжение которой сын совершенно познает развратность и низость отца, равно как и пошлость и тупоумие своей матери. Он решительно отказывается. Тогда старый Хвалынский говорит ему: «Ты *не мой* сын, и за воспитание ты можешь меня отблагодарить только тем, если женишься на невесте, которую я тебе предлагаю». Благородство и образованность молодого графа поражены насмерть таким открытием. Чтоб не остаться в долгу у своего воспитателя, он решается – и женится. Но судьба достойно наказывает прок: у невесты оказалось приданого вдвое меньше, чем думали, а опекун ее, важный человек, обещавший старику Хвалынскому какое-то место или орден, сам получает отставку. Узнав об этом, старик Хвалынский умирает с горя, а его *законный* сын терпит казнь за свое благородство и великодушие. Таковы *светские язвы*. Они были бы, может быть, очень художественны, если бы глупый и малодушный байбак, сын-Хвалынский, не был представлен в них образцом всех добродетелей.

Остаются стихотворения... Но что уж их трогать? Они все в художественном смысле... Например, «Цезарь» г. Алмазова имеет такую мысль: Цезаря нужно почитать не за то, что он сделал, а за то, что у него внутри таилось... Так стихотворение и начинается:

*Блажен, кто первый храм воздвигнул
Юпитеру, отцу миров;
Счастлив, кто Цезаря постигнул
С его младенческих годов.*

Далее все идет то же: блажен, говорит, кто умел почтить в нем *вождя*, когда он еще только *пировал*, – кто видел в нем *государственно-го человека*, когда еще только *оргии* да *женщины* его занимали, и т. д. Мораль та, что великий человек, дескать, и в глупостях виден: *умей благоговеть и перед глупостями*... Художественно!

Не менее художественно стихотворение г. Колошина «К портрету Miss J... L...». Поэт воображает себе жениха, который припадет к ее коленям, как... Петипа (!). Столь дикое представление вызывает у него два стиха:

*Нет, сохранит тебя всевышний
От этой плоской суеты...*

Плоская суета – тоже художественна...

Пора, однако, кончить, давно пора... И мы сами давно это чувствуем. Но что же делать? Старых знакомых встретили и заговорились...

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1859, № 1, отд. III, с. 31–54, без подписи.

Написание «литтература» – на французский манер с двумя «т» – было принято в начале XIX века, когда слово появилось в составе русского языка. Во времена Добролюбова такое написание воспринималось уже как архаическое и вызвало справедливую иронию критика. Возрождение устаревшего написания имело, очевидно, полемическую цель: так редакция «Утра» заявляла о своей приверженности к старой норме не только в орфографии, но и в литературе вообще.

Сборник «Утро» 1859 г. состоял в большинстве своем из произведений бывших сотрудников журнала «Москвитянин» и был последней попыткой их объединения (сам журнал прекратился еще в 1856 г.). Созданный в 1841 г. М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым, «Москвитянин» являлся органом «официаль-

ной народности», изданием малопопулярным. Единственной серьезной заслугой его было то, что он печатал ценные исторические материалы. Оживился «Москвитянин» лишь в 1850–1853 гг., в период своеобразного двоевластия (остроумно описанного Добролюбовым), когда рядом со «старыми» сотрудниками печатались члены так называемой «молодой редакции» (А. Н. Островский, Ап. Григорьев, Е. Н. Эдельсон, Б. Н. Алмазов, Л. А. Мей, Т. И. Филиппов, С. П. Колошин и др.). «Молодая редакция» сделала попытку обновить славянофильское учение, освободившись от некоторых его устаревших, догматических положений. Особая роль придавалась искусству и его сближению с «народностью». На этом пути новый «Москвитянин» достиг значительных литературных высот (произведения Островского, Мея, статьи Ап. Григорьева и др.), в полемических целях не отмеченных Добролюбовым в данной статье. Вскоре, правда, в рецензии «Очерки и рассказы И. Т. Кокорева» Добролюбов «отделит» творчество Островского, Писемского, Потехина, Кокорева от «обычных вкладчиков» «Москвитянина» (наст. т., с.

Мирное сотрудничество двух редакций не могло быть продолжительным, кроме того, возникли расхождения и внутри «молодой редакции», приведшие к окончательному ее распадению. Сборник «Утро» обозначил новую литературную «платформу», на которой оказалось возможным объединение «старой», официально-патриотической редакции (см. разбор Добролюбовым вступления к сборнику) с остатками «молодой» (Б. Н. Алмазов, Е. Н. Эдельсон), скатившимися к теории «чистого искусства». По планам издателя М. П. Погодина, сборник должен был «начать реставрацию» литературы, свободной от «утилитарных» интересов (см.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 16. СПб., 1902, с. 368; Погодин выпустил затем еще два сборника под тем же названием в 1866 и 1868 гг.).

Уловив основную тенденцию сборника, Добролюбов сосредоточил всю силу критики именно на двух этих моментах: официальном патриотизме и теории «чистого искусства».

При всем резко критическом отношении к партии «Москвитянина» Добролюбов отдает

должное журналу и сборнику «Утро», познакомившим русского читателя с ценными историческими материалами. Приведя в рецензии отрывки из записок Татищева, Добролюбов – по цензурным соображениям – уходит от прямого высказывания своего взгляда на формы правления («самовластие», «централизация» или «демократия»). Добролюбову, однако, дорога сама возможность открытого обсуждения этого вопроса у Татищева, исчезнувшая в трудах современных либеральных историков, также защитников «централизации». В этом смысле, очевидно, следует понимать иронию критика по поводу «страшного прогресса» в современной исторической литературе по сравнению с сочинением 130-летней давности. Более определенно Добролюбов выскажется о проблеме «централизации» в рецензии на сборник «Весна» (см. с. 288–293 наст. т.).

Реакция М. П. Погодина на добролюбовскую рецензию была крайне раздраженной, он записал в дневнике 26 января 1859 г.: «разругали «Утро» подло и неловко» (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 16, с.

374). Бывший же сотрудник «Москвитянина» Ап. Григорьев в своей рецензии на «Утро», напротив, кое в чем приблизился к точке зрения Добролюбова. Так, вводную статью сборника «Москва. Вместо предисловия» он оценил как «странную смесь честности и глубины принципов с безобразнейшею бестактностью приложений» (РСЛ, 1859, № 2, отд. II, с. 124), Григорьев отметил те же стиливые казусы в этом вступлении (цензурное разрешение второго номера «Русского слова» последовало 25 февраля, так что Григорьев, очевидно, был знаком с рецензией Добролюбова). Полностью совпали оценки Григорьева с добролюбовскими в отношении пьесы «Петр Великий» М. П. Погодина и статьи «По поводу американской женщины» С. П. Колошина: первую он счел устаревшей, а вторую назвал «вопиющей». Еще более существен тот факт, что Григорьев поддержал пафос статьи Добролюбова, направленный против теории «чистого искусства». Эту теорию, писал критик «Русского слова», «пора давно бросить». Однако, в отличие от Добролюбова, Григорьев нашел и достоинства в статьях Алмазова и

Эдельсона. Так, статья Алмазова «О поэзии Пушкина», ложная в основной идее (по Алмазову получается, возмущался Григорьев, что в поэзии Пушкина нет содержания), действительно заключала в себе отдельные верные наблюдения.

Сноски

1

Вероятно, для придания себе характера литературного и интересного «Утро» везде пишет «литтература» и «интересный».

[^^^]

2

Изречение, заимствованное из история одного римского императора, кажется – Калигулы {25}

[^^^]

3

«Пусть он умрет» (фр.){26} – Ред.

[^^^]

4

Для убеждения читателей, что эти выражения нами не выдуманы, представляем в подлиннике вторую половину стихотворения г. Хомякова.

*Прими ж привет от черни темной
Тобою взысканных людей,
И приношенья дани скромной —
Их благодарственных речей,
Прими мольбу! Твоей лазури.
Твоих безоблачных высот,
Да не смущают крылья бури
И мрак житейских непогод.
Да мысль железною рукою
Твоей главы не тяготит,
И вечно да цветет весною,
Румяный пух твоих ланит.*

Вы видите, что пух действительно цветет,

мысль действительно *тяготит* рукою, и пр. Вероятно, г. Хомяков полагает даже, что все это – поэтические образы.

[^^^]

5

Тем самым (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

6

В слово «обязаны» должна скрываться язвительная ирония; по крайней мере так нам хочется думать для удовлетворения нашему самолюбию.

[^^^]

Откровенно, напрямик (*фр.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Из басни И. И. Дмитриева «Чижик и зяблица» (1794).

[^^^]

2

«Утренний свет» (1777–1780) и «Вечерняя заря» (1782) – журналы, в которых Н. И. Новиков проводил идеи нравственного совершенствования и частной благотворительности. Оба издания были близки к масонству и сыграли определенную роль в истории русского просвещения. Добролюбов, однако, отдавал предпочтение более ранней, домасонской деятельности Новикова как издателя сатирических журналов (см. статью «Русская сатира екатерининского времени» в наст. т.).

[^^^]

3

Выражение, введенное в русскую критику А. В. Дружининым («Письма иногороднего подписчика», 1852). Высмеивая «Москвитянина», сравнивавшего Гоголя с Шекспиром, критик писал; «Не сказать ли, подражая Маколею: «Приходите в восторг; только, бога ради, не выбрасывайтесь за окошко!» (Дружинин А. В. Собр. соч., т. 6. СПб., 1865, с. 587).

[^^^]

4

Б. А. – криптоним Б. Н. Алмазова. Точное название его статьи в «Утре» – «Взгляд на русскую литературу в 1858 году». Все названные Добролюбовым авторы в свое время сотрудничали в «Москвитянине». Так, В. А. Кокорев, о котором речь идет далее (см. о нем также примеч. 82 на с. 736), был весьма близок к М. П. Погодину, который всячески выдвигал его в качестве публициста.

[^^^]

5

Мотив «Москва – сердце России» был излюбленным в «Москвитянине», в первом своем номере поместившем программное стихотворение Ф. Н. Глинки «Москва», которое заканчивалось строками:

*Град срединный, град сердечный,
Коренной России град.*

[^^^]

6

Абзац наполнен намеками на М. П. Погодина («неуменье говорить по-русски», «пристальный читатель летописей» и др.), исследователя удельного периода русской истории («не завидую... твоему уделу» – многозначная фраза, в частности содержащая намек на печально известный конец «Москвитянина», павшего от внутренних междоусобиц). Термин «заложения» неоднократно использовался «москвитянской» критикой как обозначение

нравственного душевного опыта личности, органически связанной с «народным духом» (ср. напр., статью Е. Н. Эдельсона «Несколько слов о современном состоянии и значении у нас эстетической критики» в «Москвитяине», 1852, № 6; то же: Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. М., 1982, с. 279). Добролюбов обыгрывает это слово в связи с известным пристрастием «молодой редакции» «Москвитянина» к дружеским застолям.

[^^^]

7

Подобное «объявление» Погодин сделал в заметке «О рецензии г. Кавелина круговых сочинений» (Москвитянин, 1849, № 1, отд. VI, с. 18; см. по этому поводу ироническую реплику в ОЗ, 1849, № 2, отд. VIII, с. 257).

[^^^]

8

В статье «Библиотека для чтения. Январь и февраль» Ап. Григорьев писал о поэтической «красоте, пока исключительно Мею принадлежащей» (Москвитянин, 1855, № 3, с. 127).

[^^^]

9

В статье «Русская литература в 1851 году. Статья четвертая и последняя» Ап. Григорьев писал о «дидактическом» направлении творчества В. Ф. Одоевского, который «требования своего Я поставил вразрез с действительными явлениями» (Москвитянин, 1852, № 4, отд. V, с. 100).

[^^^]

10

Т. е. сектантство (от фр. sectaire – сектант).

[^^^]

11

Слова Надимова, героя «обличительной» комедии В. А. Соллогуба «Чиновник» (д. I, явл. 2).

[^^^]

12

Слова Фролова, героя комедии Н. М. Львова «Предубеждение, или Не место красит человека, человек – место» (картина II, явл. 4).

[^^^]

13

А. П. – криптоним Авдотьи Павловны Глинки, поэтессы и переводчицы, известной своими консервативными взглядами и архаичностью стиля.

[^^^]

14

Речь идет о графомане А. Е. Анаевском и его безграмотном произведении «Юродивый мальчик в железном клобуке». (СПб., 1844).

[^^^]

15

С. П. Колошин в своей статье выступил против женской эмансипации и, в частности, ее сторонницы – американской писательницы Амелии Блумер.

[^^^]

16

Свою точку зрения на Новый Свет, противоположную славянофильской, Добролюбов вскоре изложил в статье «Путешествие по Североамериканским штатам, Канаде и острову Кубе» (см. в наст. т.).

[^^^]

17

Этот подсчет Добролюбов сделал в статье «Уличные листки» (III, 244, 510).

[^^^]

18

Имеется в виду стихотворение Гете «Певец» (1778), известное к тому времени во многих переводах. Добролюбовская цитата наиболее близка к переводам К. С. Аксакова и А. А. Фета. Вслед за Добролюбовым образ «сладко поющей птицы» использовал в борьбе с теорией «чистого искусства» и конкретно против данной статьи Алмазова Ап. Григорьев (Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья I. – *РСЛ*, 1859, № 2; Григорьев Ап. Литературная критика, с. 166).

[^^^]

19

Требование искренности в искусстве было программным для «молодой» редакции «Москвитянина». В применении к критике его преимущественно развивал Ап. Григорьев.

[^^^]

20

Неточно цитируется басня И. А. Крылова «Музыканты» (1808).

[^^^]

Добролюбов не совсем точен в передаче мыслей Белинского, заостряя их критический по отношению к Пушкину смысл. Ср. у Белинского: Пушкин «ничего не отрицает, ничего не проклинает, на все смотрит с любовью и благословением... Он не принадлежал исключительно ни к какому учению, ни к какой доктрине... но как он в этом отношении был только верен своей натуре, то за это его так же нельзя хвалить или порицать» (Белинский, VII, 338).

[^^^]

22

Действительно, это – общее место в критике 50-х гг., разделяемое как либеральным, так и славянофильским направлением. Разделяли эту мысль и Чернышевский с Добролюбовым. См. также в наст. изд.: т. 1, с. 51–53 и 805.

[^^^]

23

Слова старого цыгана об Овидии из поэмы Пушкина «Цыганы» (1824).

[^^^]

24

«Современник» характеризовал этот учебник как «историю русской литературы для бесплодного мучения учащихся» (1857, № 12, отд. IV, с. 39–40).

[^^^]

25

«О, если бы весь народ римский имел одну голову...» – слова римского императора Калигулы, сказанные, когда народ приветствовал победителя состязаний, а не его самого.

[^^^]

Реплика старика Горация из трагедии Корнеля «Гораций» (д. III, явл. 6).

[^^^]

[^^^]